

18+

Л. К. ШАН

Дети Скадарлии

ЯСНОЕ НЕБО АВСТРАЛИИ

Л. Шан
Дети Скадарлии.
Ясное небо Австралии

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63522421
ISBN 9785005192387*

Аннотация

Третья часть цикла «На моей кровати снег» переносит на полвека назад, в далекую и тогда еще большую и единую европейскую страну, где в славном городе Белграде, на брусчатой улице выступали уличные артисты, на ходулях расшагивали жонглеры, а в тесных кафанах друг другу зачитывали свои стихи молодые литераторы. История о поколении, которое кануло в лету, но оставило после себя дух непоколебимого оптимизма и веры в лучшее будущее.

Содержание

Дети Скадарлии	5
Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	32
Глава 3	68
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Дети Скадарлии Ясное небо Австралии

Л. Шан

© Л. Шан, 2024

ISBN 978-5-0051-9238-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дети Скадарлии

*«Грядущее пишется в прошлом времени,
самое давнишнее прошедшее – в будущем.
Настоящее же не описывается»*

Пролог

Лето, 1935 г. Шумадия¹.

«Когда-нибудь я об этом пожалею. Потом...

Нет, не так! Хочу об этом никогда не жалеть. Что бы ни произошло, пусть мне не будет жаль! Так – как я выбираю имена, судьбу и места для моих героев, так же я выберу это для себя. Я выбираю свое имя и свою судьбу! Решено!»

Так будет написано на листке, который человек запечатает в конверт, а затем вложит между страниц книги и поставит на единственную полку над своей кроватью.

Человек решительно отодвинет стул, больно оцарапав темно-бордовую поверхность половиц, и подойдет к окну. Распахнет.

В ответ на глубокие раны от стула, дом ответит скрипом

¹ Область в центральной части Сербии. Название происходит от слова «лес» по-сербски Шума (Šuma).

петель в окне и не сразу, а со второго усилия поддаст свои белесые створки.

Ветер же, стремглав ворвавшийся в комнату, подхватит газетный лист, взметнет его в воздух, и, описав им удивительный полукруг, аккуратно приземлит в самый дальний угол комнаты, раскрывая разворот его страниц.

Так, ровно в полшестого утра, южнославянское солнце взойдет над изумрудным горизонтом, разливая на пшеничные уголья свои алые лучи, такие густые, что первый свет легонько пощекочет свежесмытые стены плетары².

Дом – одноэтажный, бочинистый, с окнами без ставен, и головным убором в виде черепицы из красной глины. Поодаль непременно должны произрастать вишни, которые буйно зацветут в это время года, источая вокруг себя сладковатый аромат. Издалека донесется приветственный окрик соседского петуха, и тут же позади дома, за углом, послышится лязг цепи заерзавшей собаки.

В Шумадии так будут просыпаться деревня – постепенно. Человек у окна окажется молод. Внешность его будет весьма обычна. Он посмотрит на рассвет и крепко сожмет губы. Потом развернется и осмотрит комнату.

– Ну, что же... – вымолвит он задумчиво.

Легонько коснется гардин. Они, вероятно, светло-желтые, из плотной ткани. Мать их на ярмарке купит перед самым

² Каркасный дом, традиционное жилище сербов

Божичем³, в возрасте его двенадцатилетия. Он улыбнется, вспомнив что-то о том времени. Потом вернется к письменному столу, на котором будут аккуратно сложены его письменные принадлежности и бумага. Достанет карандаш, самый острый, и положит на центр стола. Чуть отодвинет задвинутый стул, на этот раз осторожно приподнимая его за спинку.

В углу непременно будет располагаться шкаф, и, несомненно, с зеркалом – наследство бабушки Агны. Раскрыв дверцу, Человек изымет из темных недр гардероба толстую папку для канцелярских бумаг, обтянутой свиной кожей с позолотой. Словно скарб, он аккуратно прижмет папку к груди, и закроет дверцу. В зеркальном отражении покажется его собственное лицо – взволнованное, румяное. Человек поспешно отвернется.

– Прощай, детство – не без вызова произнесет он, но услышав приглушенный кашель, откуда-то снизу, и торопливые шаги секунду спустя, человек виновато замолкнет. Несколько секунд он пребудет в состоянии бездействия, настороженно прислушиваясь к негромким звукам, доносящимся из глубины дома.

Наконец, дождавшись тишины, он, стараясь не оставаться ни секундой больше в этой комнате, подойдет к своей кровати – неразобранной с вечера, но с плотной набитой котомкой. И потянувшись за сумкой, человек больно ударит-

³ Рождество

ся пальцами ног о ровную твердь, лежащую под кроватью, словно желающую напомнить ему о чем-то таком, о чем забудет человек, если не взглянет сейчас же.

Так он – скривившись в гримасе боли, но, не обращая внимания на ожидающее его под кроватью, и повесит сумку на плечо, выходя из комнаты, оставив позади собственное детство и подхваченную ветром газету.

Глава 1

*Je vous parle d'un temps
Que les moins de vingt ans
Ne peuvent pas connaître⁴*

Май, 1939. Белград.

Яблоки несли аисты,
В своих клювах над волнами
Железо-бетонных морей.
Яблоки те – плоды радости,
Пахнут жизнью вдохнутою, новою,
Человеческим счастьем наполнены,
И любовью отцов-матерей.
Яркие, нежные, алые
Все они. А внутри них самих
Ожиданием томится, спит,
Забытое самое главное —
Звук знакомый, что с детства затих,
Повстречается он среди книг,
Им расслышать его предстоит.
Явится! Не аморфное ль?
Не причудилось ли наяву? —
Часто мучает чудо сомнение.

⁴ здесь и далее, слова из песни Шарля Азнавура «Богема» – Я расскажу вам о временах, которые не застали те, кому нет двадцати

Ах, вперед бы! За грань бы да в новое!
Но, привычность лелея свою,
Корабли одиноко в порту
Остаются, прибитые временем.
Якорями небес акварель
Не достать, да не оцарапать им,
Так хоть грубость возвысить позволю!
Замечай.
Отдавай.
Люби.
Верь.
Все покажется цельно-одним,
Важным, любимым, родным.
И дыханием мира петь будет голос твой.
Явственно небо алмазное
Отразится в сиянии глаз твоих,
И надежда печали сильней!
Дивными, новыми, разными
Дни покажутся, люди – прекрасными,
И знакомое слово в речах чужих
Мимoiдущих учителей.
Янтарем наполни аквариум —
Да не прервется в нем жизнь,
Станет крепким и драгоценным он.
Так и в ясное небо Австралии,
Где края смыкаются дальние
В руках искру божью держи,
Бесстрашно шагая за горизонт...

– Хм... это, конечно, занятно, только вот... а что же дальше? – тощий господин в сером пиджаке выглядывает из-за своих широкооправных окуляр. – Вы же не дописали? Здесь больше ничего нет! А где развязка? Финал? Нет фабулы.

– Напечатайте первую главу, и посмотрите, как воспримут, – настаивает молодой человек в мятой рубашке. В руках он беспокойно теревит зеленую шайкачу⁵. В комнате душно, он расстегивает пуговицу на воротнике.

– Но я же должен убедиться, что у вас готов финал! А вдруг вы исчезнете? Или того хуже... – тощий господин осекается на полуслове, и снова садится в кресло. Переводит взгляд то на бумаги в желтой папке, то на лист в его руке, и, в конце концов, мотает головой. Отрицательно.

– Хотите я буду приносить вам по главе каждый месяц? Ну хорошо, каждые две недели? У меня готово уже пять. Ну, то есть три, а это, считайте, почти четверть поэмы! Хорошо, каждую неделю, честное слово...

– Нет, юноша! Мы принимаем произведения только полностью готовыми! У нас и так другие место на полосах выкупают, а вы еще правила диктуете! Мало того что бесплатно, так еще и прославиться хотите на наших читателей! Вы, юноша, ремесленник, а не творец! – отрицает тощий господин.

⁵ Головной убор из валяной шерсти, который носили крестьяне, преимущественно в Шумадии

дин в очках. – Уходите отсюда! Слыхали? Ну-ка!

– Нет, стойте! – восклицает молодой человек. – У меня просто не было времени дописать. То есть, средств. Мне нужна тушь, и бумага. Много бумаги. Вы знаете, как переводится материал в поисках формы и рифмы...

– Молодой человек, – тощий господин повышает голос, – пишите карандашом. На газетных полях, салфетках. Туалетной бумаге в конце концов. Многие из тех, о ком вы и не догадываетесь, именно так и начинали. И это их только закаляло. Вот и вы займитесь. А как допишете – приносите, прочитаю.

– Но...

– Все! До свидания.

Кабинет умолкает. Желтая папка нехотя исчезает со стола в полах длинного плаща молодого человека. Он понуро ковыляет к выходу.

– Ладно, постойте! – слышится вдруг за спиной. Тощий привстает и воровато оглядывается по сторонам – Денег я вам, конечно, не дам. Вероятно, вы их тут же прокутите. Но, так, просто из любопытства дам вам маленький шанс. Секунду... вот, возьмите!

Тощий человек в очках подходит к юноше и протягивает ему стопку листов бумаги.

– Это очень дорогая бумага. – тощий господин явно что-то недоговаривает. – Она с нашим фирменным вензелем. Считайте вас уже напечатали. Поэтому...

– Что?

– Вы же не пойдете сейчас в другое издательство?

– А что?

– Все-таки хотелось бы узнать, что дальше случится в этой вашей... Ну, и название вы выбрали, откровенно говоря... Австралии.

– Неужели?

– Ну да. Ах да, еще. Скажите, ваш адрес.

– А это зачем?

– На случай... – тощий окидывает взглядом мятую одежду стоящего перед ним молодого человека, – если вы... неблагонадежный юноша, выскочка, а не демиург, что в общем-то, вполне вероятно, я вернусь к вам за бумагой. Через неделю. Она, повторюсь, бланковая, с фирменным вензелем.

Тот называет адрес, и грустно следит за тем, как скоро в пухлом блокноте танцует грифель.

«Ах, если бы мой карандаш так скоро писал, когда я берусь писать...»

– Вот так... Ну, что? – Тощий встает, и подходит, провожая посетителя к двери – в общем, жду вас через неделю, молодой человек. Принесете главу, дам еще бумаги. Ну так что же?

– Что?.

– Так, почему все-таки «Австралия»? Ясное небо Австралии. Что там? В этой Австралии?

Молодой человек тяжело вздыхает.

– Спасибо вам за бумагу, дядя.
И уходит.

**** * * * * *

*Montmartre en ce temps-là
Accrochait ses lilas
Jusque sous nos fenêtres⁶*

Белград – очень шумный город. Красивый, но шумный, как река. К этому давно привыкли все гости города, кроме него самого – этого молодого человека.

Вот он, смотрите! Выходит из серого высокого здания, в пальто, с папкой желтого цвета под мышкой, и прищуривается. Весь город окутан солнечным апрелем. Люди вываливаются из своих окон, дверей и других проемов каменных муравейников и стекаются организованными стайками в места отдыха и труда.

Заполняя движением – пешеходным и автомобильным, узкие и широкие артерии города, белградцы тем самым обеспечивают кровоток улиц, переулков и проспектов. Гулко ли стуча каблуками по брусчатому бульвару, звонко ли ударяя веслами о дунайские воды, или мерно прогуливаясь под тенистыми деревьями в парках, белградцы, такие разношерстные, представляют собой единый организм – само естество этой вековой столицы южнославянских народов.

⁶ В Монмартре в то время цвела сирень, прямо под нашими окнами

И в этом едином потоке, несущимся слаженным ходом в обозначенном направлении, существует один-единственный индивид, частица, молекула, атом хаоса, который умудряется противопоставляться стройным порядкам города.

Имя ему Вукашин.

А выглядит он так.

Немного за двадцать. Всегда торопливый шаг. Суетливые, порывистые движения. Неухоженные щеки и подбородок с выскочившей несколько лет назад щеткой волос, сутулые плечи и пронизательный взгляд. Увесилительных заведений, кафанов⁷ он сторонился за неимением денег, шумных компаний с беспокойством или ревностью избегал, а по городу передвигался неизменно пешком, даже в непешеходные части города – Обреновац, Палилулу или Гроцку⁸.

Как широко известно – доподлинно неизвестно, что нужно людям для счастья. Что нужно для счастья людям вроде Вукашина – неизвестно тем более. Он живет в столице не первый год, но довольствуется одиноким уединением. Проживает он недалеко от Нови Града, в квартире, которую оставили хозяева, приглядеть за имуществом на время их путешествия в Любляну. Да вот беда, главе семейства так нравится пребывать в Юлианских Альпах, что он и не возвращается по сей день, а потому из комнаты, в которой изна-

⁷ Заведение, типа бистро, где подают алкоголь, кофе, легкие закуски, нередко присутствует живая музыка и разрешены азартные игры.

⁸ Районы (общины) Белграда

начально обитал Вукашин, он перебрался в хозяйские покои, перебирая во владения все помещения и имущество квартиры. Квартира сама по себе немаленькая, а потому и добра там под завязку, а Вукашин еще, словно нарочно, оказывается злостный приверженец минимализма в интерьере.

Вот, например, старинный патефон. Стоит в углу, стоял, место занимает. На прошлое Рождество Вукашин его решает продать. Два месяца потом он себе на ужин готовит гуляш с вырученных денег.

Или вот софа на трех ножках, декоративная, в прихожей. Настоящее резное дерево, кажется, бук. Тоже ведь: терпит-смотрит, да и продает все-таки по весне. А что? И места в прихожей становится больше, и динаров⁹ в кармане. Сплошная выгода!

По вечерам, обычно разложится в хозяйском кабинете, непременно турецкий халат нацепит с туфлями домашними на босу ногу и шапочку с кисточкой-венчиком. Свои бумаги исписанные, перед собой разместит и начнет дымить сигаретой. До поздней ночи так просидит, потом, устав, так и заваливается спать, прямо в туфлях и шапочке с кисточкой.

Сейчас, глядите-ка, тоже самое: плетется, папку тащит, под ноги смотрит. Пройдет три квартала, шапку снимает, лоб вытрет, дальше двинется. Квартал один проходит, второй, третий. Ноги сами несут.

Это принято так думать.

⁹ Денежная единица в Югославии

На самом деле – нет. Когда ноги сами идут, это значит, что как вода течет – в обход препятствий, так и тело движется, по самому очевидному пути. Нет времени обдумать, остановиться, развернуться. Течешь, плывешь себе.

Огибая пешеходов, автомобили и перекрестки, Вукашин забредает на улицу, где потише. Тут не такое движение, не так шумно. А что за улица?

А, точно. Скадарская¹⁰.

Здесь кафанов еще больше – в оба ряда, и в это время дня уже многие выносят столики на улицу. В ближайшем, слишком много людей, а вот в следующем кафане – почти пусто. Туда и проходит Вукашин, выбирая себе укромное место. Отсюда видна улица в обе стороны, разговоры посетителей из соседнего кафана не слышны, а слоняющиеся прохожие остаются чуть поодаль.

Вукашин на оставшиеся деньги просит себе шливиовицу¹¹, и кладет папку на осиновый столик. Легкий ветерок пробирается к нему в ноздри, словно дразня черствую корку его души. Вукашин шмыгает носом, чихает. Душа, если она у него и существует, не может обитать в носу. А если да, то бормотание тогда – разговор с душой.

– Нужно собраться, сесть и дописать эту чертову поэму – бормочет себе под нос Вукашин, наблюдая за посетителями. Те сидят парочками, или небольшими компаниями, и весело

¹⁰ Богемная улица в Белграде, расположенная в старинном квартале

¹¹ Сливовая ракия

о чем-то беседуют. – Наверняка, у них есть работа, свой дом и любимые люди. Им не нужно просить помощи у посторонних, им неведомо ощущение собственной бездарности. Почему у меня всегда так?

– Ваша шливовица, пане! – бодро отзываются со спины.

– Хвала.

Выпив пару глотков, и ощутив, как хмель ударяет ему в голову, Вукашин начинает обдумывать продолжение своего злополучного литературного труда, которому и названия-то еще нет (рабочее название сам Вукашин определяет как «Ясное небо Австралии») равно как и определения жанра (Вукашин не разбирается в литературных терминах).

Вообще, как с писаной торбой, так с этой желтой папкой Вукашин таскается уже более полугода по разным издательствам, с целью напечататься хоть в каком-нибудь журнале или газете. Начиная от самых престижных изданий, где его не принимают редактора, дойдя до средних, где его записи не вызывают интереса, Вукашин пробует пробиться сквозь сито бульварного чтения, но даже в таких малоизвестных малотиражных газетенках от автора требуют законченной работы. В этом вся соль – «Ясное небо Австралии» не закончена, она и наполовину не написана. Ждать когда на Вукашина снова снизойдет вдохновение и идеи, у него нет времени. Продать хотя бы первую главу, денег бы раздобыть, а потом вторую. Ведь пока «Австралию» не печатают, в доме у Вукашина заканчивается хозяйская мебель. Когда деньги будут –

можно и третью дописать, и так далее, до конца.

Но это потом. Сейчас главное, ухватить удачу, закрепить успех.

Вукашин отпивает еще глоток, и вдруг слышит:

– Послушай, ты, чертовка, мне не нужны твои головоломки, мне нужна вывеска, как у «Трех Шешир»¹²! Только лучше «Трех Шешир»! Мы открываемся, и нам нужны все люди Скадарлии. Ясно тебе? Переделывай!

Вукашин оборачивается на крик. Сзади из самого кафана выходят двое: огромный лысый дядька с рулоном обоев в руках, буквально выталкивает на улицу девушку, повисшей у него на исполинских предплечьях.

– Поймите, на всех кафанах на Скадарской улице вывески срывает ветер с петель и переворачивает их. Поэтому идея с амбиграммой будет привлекать внимание прохожих. Люди смогут узнать ваше заведение, даже если ветер сорвет вашу вывеску, за счет возможности прочесть и вверх ногами и слева направо! Нет, не рвите, это же мой палиндром! – успевает выпалить девица, и на ее глазах, рулон превращается в скомканные части длинного листа склеенных страниц.

– Будешь переделывать столько, сколько я скажу! А теперь пошла вон! – лысый ловко отцепляет девицу, вследствие чего та оказывается на брусчатке, и наблюдает как хозяин кафана, подкинув скомканный комок бумаги, подпिनывает его вверх носком башмака, при этом сам башмак его, тоже вслед

¹² Название знаменитого кафана на Скадарской улице

за рулоном взмывает ввысь и приземляется аккуратно в трех шагах от столика, за которым сидит Вукашин.

Глядя на всю эти цирковые фортели со стороны, единственный посетитель этого мрачного заведения, хмурится и внутренне закипает. История этой незнакомки напоминает ему его собственную участь, а вид грозного лысого мужлана — образ надменных редакторов, пороги которых он оббивает последние месяцы.

Лысый же, рассвирепев по поводу своей ноги, лишившейся обуви, краснея, как рак, заковылял в сторону Вукашина, но тот, невообразимо быстро поднявшись с места, опередил хозяина и первым схватил башмак.

Стоптаный, кожаный.

– Давай сюда, – старается говорить мягко лысый, но в его голосе звучит надрыв угрозы. Он протягивает ладонь.

Вместо этого Вукашин, руководствуясь какими-то инородными инстинктами, делает резкий замах, и силой швыряет башмак вверх и в сторону. Втроем: он, лысый хозяин и девица, поднимающаяся с пола, застывают, глядя как обувь, совершив менее чем за минуту второй свой полет в жизни, на этот раз взлетев куда выше, спикировала в конце концов на крышу противоположного кафана. Гулким звуком обозначив свое приземление, башмак возвращает в реальность происходящего троих наблюдателей. Первым приходит в себя Вукашин, которому хватает полсекунды, чтобы инстинктивно, отступить назад на полшага. Потому что

вторым включается лысый хозяин, который с раскрытым ртом и доносящейся от туда отборной бранью, оборачивается на Вукашина и начинает движение в его сторону. Вукашин успевает опрокинуть стул, и, вскарабкавшись на столик, перелезает на другую сторону, откуда ему уже открыт путь на выход из заведения. Оборачиваться некогда, но он надеется, что девица-художница успеет воспользоваться секундной проволочкой, и благополучно скроется. По каменной брусчатке у лысого хозяина нет никаких шансов догнать двоих молодых, рассыпающихся прочь от него в разные стороны, к тому же подпрыгивающем в одном башмаке, и теряющим драгоценные силы на исключительно инородный на этой улице лексикон. Улепетывающий вдоль кафанов улицы Вукашин, проскальзывая сквозь силуэты редких прохожих, слышит, как среди брани в его сторону доносится: «держи вора!», и внутренне улыбается, что в довесок к башмаку, он еще и не заплатил хозяину за шливилицу.

Пробежав три квартала, и остановившись в переулке меж домов, с целью отдышаться, Вукашин вдруг с ужасом осознает, что оставил в кафане лысого упыря все, что у него сейчас есть в Белграде, да и во всей жизни – свою желтую папку, с чистой бумагой и двумя с половиной главами «Неба Австралии».

Он поднимает голову, глядя в голубое небо, и оно тут же расплывается, наполненное соленой влагой.

Индарлин

Индарлин

**** * * * * *

*Et si l'humble garni
Qui nous servait de nid
Ne payait pas de mine
C'est là qu'on s'est connu¹³*

«Нужно найти средство заработка. Но что я умею? Пожалуй, все, – думает он, затягиваясь папиросным дымом. – А что я хочу делать? Пожалуй, ничего...».

Вукашин выбрасывает окурок, отдергивает занавеску, закрывая окно.

«Интересно, сколько за такие шторы можно выручить? Дней на пять хватит?»

Внезапно в дверь раздается стук. Аккуратный, двоекрат-

¹³ И хоть скромная комнатуха, служившая нам гнездышком, была неказистой, именно в ней мы повстречались

ный.

Тук-тук.

И тишина.

Вукашин замирает у окна. Ему никогда не стучат в дверь.

Ни разу за эти два с половиной года.

И еще раз. Тук-тук.

Вукашин окидывает взглядом полупустую комнату, разом понимая ужас происходящего. Оборачивается на окно, и вновь видя крышу дома напротив, нервно сглатывает.

«Долететь, не долечу, но приземлюсь точно. Может, с ногами».

За дверью послышалось тихое шорканье, и, кажется последний раз: тук-тук-тук. Последний, точно. Дальше будут открывать своими ключами и спрашивать куда подевалась мебель дома.

Вукашин хватается за ручку, и заносит одну ногу на подоконник.

Внизу высота четырех этажей. Через улицу на крышу соседнего дома не перепрыгнуть, да и что бы это дало?

«Может, наоборот, открыть дверь и резко выскочить, пока не опомнились?»

– Извините, я ищу автора поэмы «Ясное небо Австралии», мне сказали, он здесь живет... – доносится из-за двери тихий голос. Совсем не грозный, даже наоборот – робкий.

Вукашин так и обмяк. Не отпуская ручки, он опускается на подоконник. Пересохшими губами он спрашивает поче-

му-то:

– Какой такой Австралии?

– Ясное небо, – тихо говорят оттуда. И потом твердо добавляют – Ясное небо Австралии.

Сомнений не остается. Это чудо.

– Сейчас, минуту.

Вукашин сползает с окна, наглухо закрыв его и задернув занавеску, с такой силой, что она слетает с двух крайних петель и так и нависает с краю.

Вукашин подходит к двери, и, откашлявшись, открывает ее.

На пороге стоит та самая девица. Художница со Скадарской улицы.

– Слава Богу, это все-таки вы. Я думала, что не найду вас, – улыбается незнакомка.

У нее в руках его желтая папка! Точно, это именно она. Какая улыбка фортуны! Она протягивает ее.

– Вы оставили там...

Вукашин принимает ее, и машинально раскрывает, как будто не ожидая увидеть внутри свои исписанные листы, а нечто другое, удивительно-внезапное. Так и есть. Да, это она. «Австралия». Как аккуратно сложены листы, кажется не так, как он их складывал там, у издателя, наспех. Но, тем не менее, это были они, несомненно! Вот первая глава, подчерканная вторая, и недописанная третья. Вот чистые листы тощего очкарика из редакции...

– Спасибо! Я вам так благодарен! – Вукашин спохватывается и протягивает ей руку.

Они обмениваются рукопожатиями.

– А вы как меня нашли? – настороженно задает насущный вопрос Вукашин и воровато заглядывает за плечо девушке в глубину подъезда.

– О, эта целая история. Если вкратце по листам с вензелями. Они уже привели меня сюда. Вы здесь живете? – теперь девушка с интересом заглядывает за спину Вукашину.

– Нет, не совсем. То есть, в какой-то степени да. Но не всегда.

Вукашин смущается. Фирменный вензель редакции, и оставленный там адрес этой квартиры. «Теперь меня можно отыскать по следам», не без тревоги думается Вукашину. Однако, пора о насущном. Приглашать ее в дом глупо – в комнате даже стульев теперь не осталось. Угостить к тому же нечем. Выставлять за дверь – неудобно.

– Уже темнеет, – говорит он, наконец, догадавшись. – Давайте я вас провожу.

– Нет, что вы, не нужно. Я сама доберусь.

– Нет, все-таки пойдете, – настаивает он, – только одну секунду...

Вукашин оглядывается на комнату, в поисках места, где можно оставить свою находку, в итоге кладет прямо на пол, а сам в два счета натягивает плащ, и они оба оказываются на лестничной клетке.

Спускаясь по лестнице, у них состоится обряд знакомства:

– А вас как зовут?

– Вукашин. А вас?

– Меня Талэйта. – отвечает девушка. – Вукашин Йорич, стало быть?

– Йорич? Нет. А-а..., – он оглядывается назад, – табличка эта... Она прежних владельцев. Я только въехал. Еще вот не успел перевезти мебель. И табличку не сменил.

– Хорошо... – Талэйта улыбается.

– Хорошо?

– Да, я надеялась, что вы не Йорич, потому что иначе оказалось бы, что не вы автор «Неба Австралии».

– А-а-а, – губы Вукашина сами растягиваются в улыбку – так вы прочли?

– Пришлось, иначе бы я вас не нашла.

– И как вам?

– Заинтригована. Необычно так... И название такое замысловатое. Но где же продолжение? Неужели растерялось в кафане дяди Цурры?

– Кого? – переспрашивает Вукашин, но тут же отвечает с важным видом – Нет, продолжение у меня.

Они уже выходят на первый этаж. Нужно ли придержать дверь, или лучше пропустить девушку вперед? Тогда она может принять этот жест за ухаживания. Черт бы побрал эти условности!

– Дадите прочитать?

– Э-э-э, ... продолжение, как бы так сказать... у меня в голове. Сейчас дел много, не успеваю сесть дописать.

– Жаль. Вам бы следовало быть поблагосклоннее к своим читателям.

– П-пожалуй...

Вукашин замолкает. Они выходят из подъезда, он придерживает дверь, пропуская Талэйту вперед, на сумеречный свет улицы. Внимательно оглядывает свою новую знакомую.

Как серьезно и в тоже время непосредственно она с ним говорит и держится. Если ей нравится его писательство, то – как не заискивающе, а свободно она себя ведет. А если не нравится, то – как сдержанно и благородно поддерживает его старания. Вукашину так и не удается с первой попытки разгадать настроение спутницы, и они идут дальше.

– Как же вам удалось оттуда сбежать? – вспоминает Вукашин, невольно улыбаясь.

– Ах, это тот еще анекдот, – беззаботно отвечает ему смехом Талэйта. – Вы когда так стремительно умчались, дядя Цурра – хозяин того кафана, в котором мы встретились, вернулся к столику, и заметил, что вы не... забыли оплатить ему шливовицу. Потом, все так же в одном башмаке, он подошел ко мне и отчитал меня за то, что я привела вас. Не знаю почему, но он принял вас за моего друга, который вступился за меня.

– Вступился? Но я же убежал.

– Вот именно так я ему и сказала.

– А он что?

– Пожал плечами, что такие в наше время рыцари, и взял с меня за шлиовицу.

Вукашин еще пристальнее всматривается в лицо Талэйты. На иронию не похоже, но как же непринужденно и легко она держится. Словно они знакомы тысячу лет.

Талэйта не славянка, очевидно. Она не похожа ни на сербку, ни на хорватку, ни на боснийку, ни на албанку. У нее черные, как смоль, волосы, волнами ниспадающие на плечи, но не такой как у других девушек родом из знакомой тебе Шумадии.

И голос. Он, звонкий, отдает послевкусием какой-то детской прямоты, бесстрашия. Талэйта – вот она, идет рядом, перепрыгивает через белградские лужи.

Вукашин, стараясь не выпускать из вида Талэйту, поднимает голову на верхушки домов, обрамленные красным отражением заката, и в ответ улыбается городу.

Ах, Белград...

**** *
**** *
**** *

La bohème

Ça voulait dire

*On est heureux*¹⁴

– ...еще сто лет назад эти улицу и Белградом-то не счита-

¹⁴ «Богема» – значит «мы счастливы»

ли. Места эти были вне его стен, то есть за пределами города. Изначально, тут обитали наши предки – балканские и румынские цыгане, которые скрывались от гонений в Тимишваре. – Талэйта замолкает, но лишь на мгновение. – Все вместе, бедняки, беглецы и чужеземцы – наши предки отстояли город во время турецкой осады... Это уже потом, спустя много лет, Скадарлия стала частью современного Белграда.

Вукашин идет молча рядом и думает.

«Удивительное дежавю – сколько раз я не обращал на эту Скадарлию никакого внимания, а за последние несколько дней дважды оказываюсь здесь. Сколько скрывают эти каменные стены в своем безрадостном прошлом».

– Тебе нравятся эта сирень?

– Что, прости?

– Сирень – повторяет Талэйта и указывает на буйно цветущие кустарниковые деревья, то тут, то там торчащие по сторонам: то у самого дома, то над кафаном, то выглядывающие из-за угла.

Талэйта – безнадежный оптимист по жизни, и свободный художник по профессии, подбегает к одной из акаций, и протягивает свою тонкую руку вверх, за фиолетовым облаком.

– Попробуй, как пахнет!

На улице уже совсем сумрачно, и все меньше людей попадается на пути. Вдыхать запах майской сирени из рук еще недавно совсем незнакомого человека, посреди особенной улицы, пустынной и таинственной – занятие не рядовое. По-

тому и ком в горле. Так объясняет себе Вукашин. Лучше ничего не говорить, а повиноваться. А еще лучше закрыть глаза и запомнить.

Запомнить все.

Что сейчас май.

Что на улице вечер.

Что тебе двадцать один.

Что в мире вас только трое.

Ты, Талэйта и пьянящий запах сирени...

– Ну как? – голос ее также ровен, как и всегда.

– Н-неплохо – а голос Вукашина срывается-таки.

Они идут дальше.

– А почему здесь так много заведений? – спрашивает отвлеченно Вукашин, словно его это действительно интересует.

– А потому что, это место облюбовали актеры театра, расположенного неподалеку. Они жили в этих домах, читали свои пьесы в этих кафанах, встречались друг с другом, дружили. К ним постепенно стекались другие богемные прослойки белградского общества: писатели, поэты, художники, скульпторы, музыканты. Так Скадарлия к своей уже существующей черте отстаивать свою свободу, свое законное место, свою независимость, обзавелась духом творчества, легкости и полета.

Вукашин снова внимательно присматривается к Талэйте, которая разглядывает то брусчатку у себя под ногами,

то двухэтажные домики, с их нависающими балконами. Может, стоит что-нибудь сказать, что-нибудь особенно важное для них?

Но если нужно, то сейчас, в эту секунду, без раздумий, иначе будет не актуально, время пройдет, подходящий момент упустишь...

Иначе каменная дорожка этой творческой и мятежной улицы закончится, иначе балкончики опустеют, и даже самые поздние кафаны тоже закроются. Все незримое, но осязаемое пространство улицы говорило, нет, шумело: скажи, давай, не молчи, дай понять всему, что тебя может услышать в мире, что тебе есть, что сказать!

Вот как это оборачивается: Вукашин силится произнести что-то, краснеет от напряжения, но чувства никак не облачаются в нужные слова, а любых он подобрать не может. Наконец, остановившись у красной двери с облупившейся краской, Талэйта произносит сама:

– Ну вот и все, Вукашин. Мы пришли. Сейчас я тебя познакомлю с остальными.

Глава 2

*Nous étions quelques-uns
Qui attendions la gloire¹⁵*

Лето, Белград, 1940

В воскресенье, начиная с полудня, Белград со всех сторон стекается на брусчатые улочки близ Скадарлии, живя, дыша и кружась в празднике музыки, танца, фокусов и уличных спектаклей. Неисчислимо множество артистов, поэтов, самородных авторов-исполнителей, танцовщиц, скрипачей, аккордеонистов, жонглеров, акробатов, на ходулях, моноциклах или просто своим ходом, словно муравьи снуют из стороны в стороны, таща за собой баулы своего творческого багажа. Затем, выбрав себе местечко наименее занятое и наиболее открытое – желательно у угла какого-нибудь кафана, они обустроивают свое рабочее пространство, и принимаются за свое творчество – *скадарльничают*. Посетители заведений клюют на их перформанс, щедро одаривая их звоном аплодисментами.

Так, например артисты танца, забирают себе внимание зрителей постарше, поэтому поверх высоких голов в шляпах или причесок, бывает трудно что-либо разглядеть, если

¹⁵ Мы были теми, кто жаждал славы

ты заранее не займешь место поудобней – например, на балконах или крышах домов. Процесс танцевального представления начинается всегда с чего-нибудь прогрессивно-современного – вальс-бостона, например, но заканчивается всякий раз чем-то знакомым и объединяющим: народным коло¹⁶, с привлечением собравшейся публики, под аккомпанемент аккордеона или ритм пляшущих ног.

Музыканты же, извлекающие звуки из всевозможных, известных и не очень, подлинных и выдуманных инструментов, пребывают в самой привилегированной ситуации, так как звучание их гуслей, свирелей, бубнов, барабанов и мандолин слышно еще на площади Республики¹⁷¹⁸.

Так, проходя по залитой августовским солнцем Скадарлии, сквозь танцующий поток, где отовсюду доносятся самобытные мелодики местных композиторов, Вукашина, продвигающегося через толпу, передают друг другу из рук в руки все новые напевы и мелодики.

«Вот он, кафан дяди Цуры» – промелькает в голове, и Вукашин мимолетно бросает взгляд на противоположный кафан, куда он не так давно швырял сандаля скандального хозяина.

Связанная одной главной артерией – собственно брусчатой извилистой променадной дорогой, Скадарлия, наподо-

¹⁶ Народный танец

¹⁷ Площадь, возникшая после освобождения от Белграда от турков

¹⁸ Площадь, возникшая после освобождения Белграда от турков

бие скелета имеет примыкание с проулками, в которых выступают самые начинающие артисты. Эти артисты еще пока грезят успехом на главной улице, с постоянным собственным местом, и желательно у именного кафана, а пока поднаторевают в умениях перед публикой в местах попроще.

В одном из таких проулков одного молодого человека ожидает целая группа людей. Один из них, по-видимому, главный, оборачивается на остальных и командует:

– Если он не явится через три минуты, начинаем сами.

Все нервно кивают, надевая мешковатые костюмы из старых простыней, а одна невысокая цыганка неловко роняет свой наряд на брусчатку.

– А кто наверх тогда полезет? – доносится удивление сбоку.

– Я же говорил, он не придет – слышится откуда-то из глубины

– Придет, – возражает цыганка, но ее перебивает главный:

– Цыц! Готовимся и по местам!

**** *
**** *
**** *

Тем временем, Вукашин, сворачивая на площадь Республики, в сотый раз прислушивается, как стучит его сердце.

Сейчас, сейчас.

Прощмыгнуть через толпу на площади лучше по периметру, ведь все сбиваются у памятника.

Дальше направо, «прыгнуть по-французски, сплясать по-македонски»¹⁹.

Потом налево и сразу направо.

А потом нестись уже по своей улице, уводящей вниз и влево, касаться ее стен, держась за них, держаться курса, и вниз-вниз дальше, до самого атриума.

Это любимый маршрут Вукашина за последние несколько месяцев.

С того самого дня, как он оказался у красной выцветшей двери.

Или нет, даже раньше, как Талэйта нашла его и вернула «Небо Австралии».

А, нет! Еще раньше. Когда он забрел впервые в Скадарлию и сел в кафан злого дяди Цурры.

А значит, он должен быть благодарен судьбе за отказ газетных издательств, за подаренную бумагу с вензелями, по которым Талэйта отыскала тощего очкарика, за то, что тот не отказал незнакомке, и выдал ей адрес Вукашина, за то, что она вернула ему его недописанный труд.

Вукашин ускоряется, проносясь мимо плеч прохожих, перепрыгивая через выставленные щиколотки, и огибая острые локти праздных зевак. За его плечами весело подпрыгивают два костыля, больно ударяясь о спину, но бегущий Вукашин только громче от этого сопит, ускоряя свой бег.

Через триста метров улица будет тот самый проулок, в ко-

¹⁹ Улицы и перекрестки, ведущие к Скадарлийской улице

тором действие начнется, а пока Вукашин лишь сожалеет, что солнце сегодня чересчур беспощадно палит. Музыка, доносящаяся отовсюду, становится все громче, а просветы в толпе шагающих все уже, и вот Вукашин в последний раз взглянув поверх голов на угол заветного поворота, окончательно тонет в воскресном водовороте праздника Скадарлии.

**** *
**** *
**** *

Ровно в четырнадцать часов, под шум аплодисментов и восторженно-удивленные возгласы на Скадарлийский атриум, с бычьей черной головой впереди выезжает огромная колесница. Она – в красно-черной мантии, с горящими углями глазами, ведома тремя ходаками позади себя: три фигуры – три грозных силуэта на длинных ногах, в мешковатых костюмах, с закованными в маски лицами управляют дьявольской колесницей на Скадарлийском празднике. Публика застывает в предвкушении.

– Пусти меня, сербский народ! Дорогу дай преданному Богу правителю! – разражается громом одна из фигур. Голос зычно пускается вперед и вверх, так что стая голубей, сидевшая на ветвях сирени, как на балконе в театре, взмывает со своих мест ввысь.

Толпа ропщет, но, кажется, только крепче сжимает ряды. Прохожие начинают перешептываться, а посетители близлежащих кафанов недовольно гудят.

Тем временем начинает литься зловещая музыка, она отовсюду, откуда-то сверху, и, переступая на длинных, как у цапли, ногах, три силуэта приводят в движение зловещую колесницу с бычьей головой, пугая прохожих в первых рядах. Вот они поочередно наступают влево и вправо, вот они неуклонно продвигаются внутрь, и кажется под страхом быть раздавленным огромным деревянным тележным колесом, народ уступает шаг-другой. Колесница продвигается под гулкие выкрики предводителя. Их не разобрать, кажется, он перешел на турецкие наречия, и вдруг...

Сзади, откуда-то из-за плеч, и сбоку, пробираясь, сквозь густую толпу зрителей, выходят фигуры, облаченные бело-голубой мантией, их лица скрыты под широкими капюшонами, и сами они безмолвны.

Кошачьи, мягкие движения – неуклонно наступательные, они ярко контрастируют с рваными и агрессивными наскоками сатанинского быка, запряженного в колесницу. Фигуры в мантиях одновременно выходят из-за спин зрителей, по всей окружности площади, замыкая кольцо, встав перед стиснувшими ряды прохожими.

Наконец, начинается бой.

Колесница размашисто по кругу, громяя деревянной повозкой по каменной брусчатке, и размахивая руками, в длинных рукавах, проносится вдоль кольца, перед самыми лицами первого ряда. В воздухе чувствуется запах тревоги и серы.

Фигуры в бело-голубом, оттесняя прохожих в глубину, вдруг синхронно разворачиваются и в акробатическом прыжке с кульбитом, вторгаются в кольцо колесницы. Их шаги, передвижения и маневры очень легки и точны. Силуэты, управляющие вражеским быком, застывают на месте, перешагивая на длинных и тонких ходулях. Музыка становится еще тревожнее, в толпе людей напряжение можно взрезать секирой.

«Мантии» дождавшись смены музыкального такта, как по команде высвобождают из-под своих плащей собранную сеть, и ловким движением расправляют ее. Колесница оказывается в западне, несмотря на свое превосходство в размерах и мощи. «Мантии», с выставленной сетью начинают медленно шаг за шагом сжимать наездников. В толпе слышится одобрителный гул.

Окружив пленников со всех сторон, одна фигура в мантии, передав свою сеть ближайшему соратнику, и ловко цепляясь за выступы и опорки, взбирается по колеснице наверх, прямо по голове исполинского быка.

Гул становится еще одобрителнее, слышатся оскорбительные окрики, скорых на расправу прохожих.

Оказавшись наверху, человек в мантии, склоняется к ноге вниз, и достает из сапога клинок, который высоко задирает вверх, демонстрируя его взгляду восторженной публики. Силуэты на ходулях, осознавая свое положение, отступают на два шага. Бычья морда на колеснице теперь неуправляема

и, покинутая, брошена на брусчатую площадь атриума Скадарлии.

Центральный силуэт сосредотачивается на «мантии» с клинком, пока силуэты с левого и правого флангов ввязываются в бой с «мантиями» на земле, которые пытаются их окончательно закольцевать и взять в сети.

Завязывается центральное сражение. «Мантия» с клинком артистично размахивая оружием, в такт музыке, издает воинственные звуки. Клинок при каждом взмахе увеличивается в размере, и становится длиннее, пока не превращается в копьё с долгой рукоятью. Человек в мантии направляет свое орудие в длинные тонкие ноги силуэта, и тот поочередно падает на оба колена. Теперь фигура в бело-голубом возвышается над черным силуэтом, и взяв театральную паузу вонзает копьё в тело врага. Черный человек обрушивается под зловещую мелодию.

Толпа раздражается громкими аплодисментами.

На звук оборачиваются прижатые силуэты. Их главнокомандующий убит. Разъяренными движениями им удастся, отбиваясь, приблизиться к голове быка, при этом один из силуэтов, склонившись, достает из пасти зверя длинную паллицу, с обмотанным тканью концом, а второй из них, с трудом отбиваясь от копыя фигуры в мантии, разом обрушивает колесницу с ним на бок. Голова зверя от столкновения разбивается, и моментально сжимается, сплющивается, теряя форму, и исчезая в очертаниях фигур в мантиях и ходуль силу-

этов.

Толпа ахает при виде опрокидывающегося монстра и человека. «Мантии» застывают тоже, оглядываясь на деревянный каркас и останки врага. Человека, орудовавшего копьем и заколовшего богоизбранного предводителя, не стало.

Тем временем, воспользовавшись преимуществом, черные силуэты производят контратаку. Правому из них удастся оттеснить «мантии» к центру, и врезаться в их ряды, потерявшие стройность. Фигуры в бело-голубых цветах запутавшиеся в последовательности построений, начинают хаотически перемещаться, уходя от ударов длинными рукавами правого силуэта. Левый же силуэт внезапно взмахивает палицей, и та вспыхивает ало-ярким пламенем, под всеобщий изумление. Жар, возникший на конце его факела, объял, наверное, целую площадь, потому что, все инстинктивно попятились назад.

И правильно.

Не размахивая над головами зрителей, с направленным к земле огнем, силуэт в черном, прошел по кругу, словно разделяя зрителей и действующие лица.

Кто-то испуганно сообщает, что земля горит, и все панически отступает еще дальше от центра событий. Действительно, брусчатый камень улицы начинает магически искриться и пылать, и сквозь эту огненную дорожку видно, как тщетно сражаются силуэты в черном с бело-голубыми мантиями. Силы и возможности обеих сторон на исходе.

Еще несколько фигур в мантиях падают ниц, а одна из них, отступает, и, перемахнув, через огневую линию, скрывается в толще людей, сопровождаемая недовольным гулом.

Наконец, мантий не остается совсем.

Израненные и обескровленные силуэты в черном неровно передвигаются на своих тонких ногах. Музыка стихает, и они начинают осматривать поле сражений.

Их предводитель убит, монструозный зверь мертв. Сопротивление подавлено, но силы потеряны. Двигаться дальше незачем.

Обе фигуры подходят к остаткам колесницы и устало берутся за боковые рычаги управления. Поднимают ее, но обнаруживают, что теперь некому стоять впереди и приводить механическое чудовище в действие. Правый силуэт подзывает левого, кладет ему руки в длинных рукавах на плечи, и некоторое время они просто так стоят. Вдруг над площадью раздается громкий раскат грома, и левый силуэт аккуратно опускается на колени, а затем ложится на землю. Остается один черный силуэт. Он прямо на месте убирает боковые рычаги колесницы, затем поднимает оставшийся центральный рычаг, и вслед за собой укатывает колесницу в то же место, откуда выходил до боя. Нарастающий шум толпы переходящий в крик, свист и брань, сопровождает его, пока черный силуэт не скрывается за углом проулка.

Тем временем, огонь угасает, и центральная площадь на-

чинает оживать. Многие прохожие заходят внутрь круга, и с интересом осматривают лежащих, причем двум черным силуэтам еще достается: кто-то даже незаметно каблуком пинает в бок их обоих. Под съезжившейся мордой быка, оказывается то самое копые, что поразило главкомандующего черных силуэтов, но какой мантии конкретно оно принадлежало уже выяснить невозможно. Все фигуры в бело-голубом, кроме той, что предательски покинула поле боя, лежат поверженные.

Когда музыка окончательно стихает, и с близлежащих кафефов начинают доноситься приглашающие окрики о продолжении праздничного пиршества, а толпа расходится кто куда, горячо обсуждая увиденное, оставляя павшие фигуры без внимания, те медленно оживают.

Ровными и скромными движениями они собирают с площади следы своего присутствия и растворяются в свежей темноте ближайшего переулка.

**** *
**** *
**** *

В округлом помещении, с большими зарешеченными окнами во всю стену, и высокими потолками оказывается не так, как на Скадарлии. Здесь пусто, тихо, полумрачно и свежо. Слышно только тяжелое дыхание распаренных лиц и шорох одежды, спадающей на пол. В зал поочередно входят люди, затем выходят и снова возвращаются, некоторые

снуют, кое-кто, успевший лишиться одеяний, теперь обессилено сидит прямо на гранитном полу.

Сесть негде, поэтому Вукашин опускается на первый же стул перед ткацким станком и громко выдыхает, стягивая маску с красного лица.

– Ну как ты? – спрашивает у него сидящий рядом человек, оставшегося в бело-голубых широких штанах.

– Спиной ударился. И вот еще...

Вукашин молча показывает клинок, рукоятью вперед. Клинок ненастоящий, хотя выполнен очень искусно. Спустя мгновение он взмахом руки проводит по воздуху, раздается щелчок, но ничего не происходит.

– Телескоп погнут! Выпрямлять надо. При падении смяло, видимо... – бормочет он, вытирая нос рукавом.

– А позвоночник у тебя, Вукашин, не погнут, случайно? – раздается веселый голос сзади. Звучный, он наполняет энергией всю тишину пустого ткацкого цеха, и на этот голос обращиваются все сидящие. – Может, тоже выпрямим?

Входит высокий человек, с густыми черными волосами, и легкой проседью. У него плутоватый, но важный вид. В одной руке он волочит костыли, перевязанные тканями, во второй маску. Развивающаяся позади черная мантия дополняет образ, приковывая взгляд к каждому точеному движению этого человека.

Он проходит через центр и выходит на середину. Пробегает глазами всех присутствующих, при этом его взгляд ясен

и чист, а губы сами сдерживают улыбку.

– Мы, кажется, сделали это, черт возьми! – негромко восклицает он, и потом, через мгновенье, роняя ношу на пол, и вскидывая руки в верх, вскрикивает, – мы сделали это!

Вслед за ним, к ликованию присоединяются женские тонкие голоса, затем слышатся и мужские возгласы. Раздаются аплодисменты и взаимные поздравления, но через минуту, все успокаиваются и главный голос продолжает:

– Дорогие мои сотоварищи! Я благодарю каждого из вас за труд и самоотдачу, за талант и вдохновение, с которым вы относитесь к нашему делу. Это наш с вами праздник, мы его заслужили! Славица, – он обращается к рыжеволосой высокой девушке, с веснушками на переносице и щеках, – я поздравляю тебя с преодолением боязни высоты! Я же говорил, что ты справишься с ходулями! Аплодисменты, нашей бесстрашной Славице! – девушка подыгрывает и кланяется аплодисментам, отвешивая очень неловкий книксен, – ну, не переигрывай, моя хорошая, роли благородных девиц еще впереди. Турецкие шехзады²⁰ у тебя лучше получаются, – добавляет он, – Кристиан, дорогой мой! – он поворачивается к мечтательно улыбающемуся юноше, с голубыми глазами – Сколько раз мы репетировали, что ты не должен поворачивать телегу? Вы со Славицей держите баланс и равновесие, но управляю телегой я. Мы могли наехать на передистоящих! Но все равно, ты большой молодец, хоть и братоуби-

²⁰ сын султана

ец!²¹ – Кристян хитро кивнул головой, подпирая ее одной рукой у подбородка. – Аплодисменты и ему. Без него нам бы с вами, братцы, пришлось телегу самим с атриума тащить. Вы видали, как там один наглец мне ногой в брюхо двинул? Совсем публика от рук отбилась! – присутствующие смеются. А тем временем, из-под станков кое-кто выдвигает ящики, из которых достается пиво, слышится цоканье бутылок, и усталые, но счастливые люди, наполняются хмелем. Главный же продолжает:

– Давайте поднимем отдельный тост за нашего героя – Вукашина, который соизволил-таки успеть к началу спектакля, сумел свергнуть врага, и даже почти без последствий приземлиться! – через всеобщее веселье он добавляет, – если без шуток, ты цел, дружище?

– Все в порядке, Джура, успел оклематься – потирая бок, отвечает Вукашин. – Но в следующий раз отрепетируем падение сразу на брусчатке.

– А кстати, кто-то забрал бычью голову? – запускает вопрос в народ главный – этот Джура.

– Мы с Йожиним притащил ее. Внизу бросили, там, у черного входа. Зачем, ее сюда волочь, подумали, – отзывается крупный, вспотевший парень. Он спокоен, и сдержанно весел. У него правильная и размеренная речь. Договорив, он

²¹ Ссылка на постановку битвы на Косовом поле – важном историческом и фольклорном событии в жизни сербов, как символа национального самоопределения

спокойно продолжает глотать холодное дешевое пиво.

– Да, просто мы с Яковом увидели ее состояние... Мне кажется, нам пора переходить на сценические спектакли, Джура – проговаривает худосочный парень с длинными волосами. – Уличный реквизит слишком дорого обходится. Бычья башка-то издырявлена вся.

– Что, совсем не подлежит ремонту?

– Куда там! Вук ее всю истыкал, как... я не буду произносить вслух при дамах! – худосочный заливается блеющим смешком, при этом некоторые мужчины поддержали шутку, а реакция дам при этом различается:

Славица прыскает от смеха, чуть не подавившись пивом, но улыбается.

Талэйта, сидящая неподалеку, пропускает репризу мимо ушей.

А еще одна девушка, драматически закатывает глаза вверх, заламывая руки:

– О, боже, Йожин, что ты там стесняешься произнести! Тебе-то знать такое откуда?

– Это я ему давеча рассказывал, Славица, – пониженным голосом произносит еще один юноша. Невысокого роста, узкоплечий и с полосой усов над верхней губой, он близко подсаживается к девушке, и вкрадчиво продолжает – выпей еще немного, и я тебе тоже такое пок... расскажу...

Он подносит бокал с пивом, и выжидательно складывает губы в трубочку.

– Остынь-ка, сладенький Милош, – Славица ловко переворачивает стакан над головой парня, и тот под всеобщий хохот присоединяется к веселью.

– Ах, чтоб тебя, чертовка! Ну, что внутри, то и снаружи! – и вскочив, выплескивает на себя остатки в своем стакане. – Ух, бр-р-р, освежает-то как! А вы, что смеетесь? И вы охладитесь! – и, схватив стакан Славицы с остатками пива, выплескивает содержимое в толпу. Слышен троекратно усилившийся визг и прыскающий смех.

Чуть поодаль, наблюдая, как остальные смеются и веселятся, к Джуре подходит долговязый молодой человек.

– Йожин прав, Джура. То, что мы сделали сегодня – конечно, чудно, но нам, как театру нужна сцена. Нужно помещение. Нужен дом. Пока у нас не будет своего зала, у нас не будет своего зрителя. Пока у нас не будет зрителя, мы будем никому не нужны. Мы не сможем показываться только на праздники Скадарлии.

– Почему нет? – серьезно отзывается Джура. Он смотрит в грустные глаза собеседника, и понимает, что тот имеет в виду.

Это Лука. Он старше всех, и самого Джуры. Он правильно все говорит.

– Почему нет? – повторяет Джура, стараясь говорить непринужденно, переводя взгляд на беснующуюся группу своих актеров. – Смотри, как они счастливы. Им больше ничего не нужно.

– Ошибаешься! – с жаром отвечает Лука. – Это сегодня, сейчас не надо, а завтра будет! И сразу, и много. И чтобы узнавали, и чтобы без масок играть, и чтобы со словами роль. Не вторая нога лошади в колеснице, а чтобы Кармен непременно, не меньше. Или принца Датского. И что ты им предложишь? Да ты сейчас посмотри на Тяну, она думаешь об этом мечтает?

Джура машинально переводит взгляд на Тяну. Он знает, что она талантливая актриса. Самая талантливая в труппе. Он знает, что она мечтает играть в театре. Он также знает, что придет время и он не найдет аргументов ее удержать. Сейчас она веселится, мокрая от пива, и уставшая от тяжелых и жарких мантий, но однажды она со слезами на глазах покинет этот ткацкий цех и не вернется в эту фабрику.

Все это он прекрасно осознает.

А что если?

Что если он действительно возьмет и найдет им пространство, оборудование, сцену. Лука напишет пару спектаклей, поставит их, тогда можно гастролировать с труппой! Как долго уже об этом, засыпая, размышляет Джура. И узнает о них весь мир.

А что?

Как чудесно жить в Белграде! Рядом с Югославией, вокруг столько стран, столько возможностей о себе заявить, себя показать! Да и внутри самой страны разве недостаточно мест?

– Мои дорогие друзья – голос Джуры снова обретает живую энергию металла, заставляющую остальных затихать и обращать свои взоры. – Я благодарен всем вам, за то, что вы у меня есть. За то, что вы у себя есть. За то, что вы есть у театра. Да, сейчас у нас не так много в карманах и о нас не знают миллионы! Но клянусь вам, о нас, о вас узнает весь Белград! А потом и вся Югославия!

– Ха, Югославия! Даешь всю Европу! – слышится из толпы.

– И Америку! – добавляет кто-то

– Что нам Америка, Австралией нужно мечтать – слышится голос Вукашина

– Почему ей?

– Далеко и незнакомо.

– Тогда и Антарктиду тоже, и Юпитер нам подавай!

– Лихо мыслите, друзья! – усмехается Джура, – Ладно, гуляем! Нам теперь все по плечу.

**** *
**** *
**** *

Ведутся шумные разговоры, обсуждения, которые постепенно выходят за рамки заброшенного цеха и уплывают по улице, чьи каменные дороги еще помнят тепло тел, лежащих несколько часов назад на ней людей.

Солодовый напиток тем временем льется ручьем, и некоторые занятные беседы воспроизводятся с пущей силой.

Кристиян и Вукашин стоят у импровизированного шведского стола и активно работают челюстями:

– Мы думали, ты не успеешь.

– А кто бы тогда наверх залезал бы турка колоть?

– Не знаю, может я.

– Хорошо. В следующий раз, я уступлю тебе эту почетную роль.

– Отлично, – заключает Кристиян, – я обязательно напомню.

И возвращается к холодным закускам.

Тияна негромко беседует с Лукой:

– ... что-нибудь драматическое, без маскарада, начистоту...

– Это невозможно, ты знаешь сама.

– Я поговорю с ним, прочти.

– Хорошо-хорошо, я прочту, но ничего не обещаю. Сейчас нужно исправлять недочеты «Героев», а потом уже браться за новое.

– Все равно прочти!

Повысив голос, Тияна, осекается и умолкает.

В центре зала самая многочисленная группа. Славица восседает на верстаке, свесив ноги, смотрит на зал поверх голов парней, собравшихся подле.

– Я думаю, мы действительно однажды выступим за океаном. Это моя мечта, – произносит Яков и громко причмокивает.

– Кто нас туда пустит, бродяг Скадарлийских? – шутит Йожин. Разве что прибирать в кафанах местных.

– А я согласна с Яковом! – доносится сверху, – если мы твердо решим туда ехать, у нас все получится.

– Скучно в этой Америке... – картинно зевает Милош.

– Ты что был там?!

– Был как-то... проездом.

– Проездом! И куда же ты направлялся? С Гренландии в Антарктиду? – снова подтрунивает Йожин.

– Да нет, так... Отца сопровождал. На пару дней в Нью-Йорке останавливались, а потом снова на пароход. Обычный портовый городок... Так что ничего особенного там нет, увы – загадочно произносит Милош, томно поглядывая на Славицу. Затем устало достает дорогой австрийский портсигар, и вынимает тонкую сигарету.

На девушку это не производит никакого впечатления, так как снизу доносится глухой, но отчетливый скрежет металла. Внезапный, он обращает внимание всей компании, приглушая все междуусобные разговоры. В цеху становится тихо. В замирающей тиши еще слышнее как лязгает тяжелый засов входной двери.

Проходит несколько секунд напряженного прислушивания, в этом состоянии всю компанию покрывает всеобщий мрак.

Раздаются выдохи изумления и тревожное перешептывание. Слабый свет сумерек из крошечных окон лишь по-

немногу освещает большое помещение цеха. Находящийся у окна Лука, вглядывается в темноту вечера.

Джура же встает первым на ноги и стремительно направляется к выходу. За ним, так же безмолвно, синхронно и не сообщаясь, встают Кристьян, Талэйта и Вукашин. Последними, не выпуская бокалов, выходят Яков и Йожин.

– Кто это может быть? – беспокойно озирается Славица, явно намереваясь последовать за ушедшими, но не решающаяся.

– Благодарные зрители, моя дорогая. Хотят присоединиться к нашему празднику, отметить шливовицей твою прекрасную игру, – шутит Милош, одиноко улыбаясь, среди серьезных и напряженных лиц.

– Там кто-то выкорчевывает нам двери. Вряд ли им так уж понравилось наше выступление – грустно вздыхает Тияна. – Пойдемте вместе посмотрим.

– Да-да, пойдемте все вместе, – подхватывает Славица, спрыгивая с места.

Тем временем, Лука, резко отходит от окна, вздыхает и обеспокоенно озирается.

– Нам лучше уйти. Кажется, это те самые... палилульцы.

– Кто?

– Палилульцы. Хозяева фабрики.

– Что ж мы стоим? – восклицает Славица, – побежали!

– Вот и я о том же – соглашается Лука. – Бежим!

И оставшаяся четверка, поспешно скрывается в темноте

дверного проема.

Топот ног, спускающихся по узкому лестничному коридору, заглушает короткие, сбивчивые переговоры, роняемые на ходу. На втором пролете раздается мужской возглас, затем шаги стихают, и где-то на фоне становится слышно, как с шумом скрипит петлями железная дверь.

В темноте различимо только дыхание, судорожное, нервное, безуспешно пытающееся стать приглушеннее.

– Куда дальше? – раздается во тьме девчачий голос

– К черному входу, – отвечает ей тишина.

– Я не вижу ничего!

– Я тоже. Надо спешить!

– Стой, давайте вооружимся чем-нибудь?

– Чем? Да и не видать же ничего?

– А вы где?

– Кто?

– Я вас не вижу.

– Стой, я тут одна. Протяни руку.

– Тяну. Вот я. Иди сюда.

– А, вижу. То есть чувствую. А... ты одна?

– Да-а... Парни? – в голосе слышатся нотки тревоги. – Вы где? Идите сюда. Эй! Парни... Лука! – шепотом зовет голос. – Хватит, это не смешно! Нужно нашим помочь! Не время играть, выходите, вы! Милооош! Иди сюда, не то придушу!

– Ну-ка тсс! – шипит второй голос.

Тишина воссоединяется с темнотой на несколько секунд. Происходит прислушивание к этой гармонии.

– Пойдем! – твердо зовет первый голос.

– Куда?! А парни?

– Их тут нет.

– Как так «нет»?!

– Не знаю... Бежим к нашим. – отозвалась темнота.

**** *
**** *
**** *

Внизу оказалось почти светло – отблески уличного освещения заходят до самого первого марша ступени, с которой Джура и остальные бесшумно скатываются в глубину коридора. Под лестницей есть небольшой закуток, в котором располагается электрический щиток. Других помещений, кроме одной двери с кладовой у входа, не было, а половина длины коридора занята брошенными остатками бычьей головы.

Но Джура, полуобернувшись, на свою свиту, показывает жестом «ниже», а затем, повернувшись куда-то в противоположную сторону игрально восклицает:

– Это кто мне тут всю электрику искромсал? А ну-ка, покажись, разбойник!

Возня в кладовой становится тише, постепенно исчезает полностью. Джура напряженно вслушивается в каждый звук, стараясь определить количество незваных гостей. Пальцем показывает на дверь помещения, и затем пальцами же по-

казывает цифры – «два», «три», потом «пять». Стоявшие за спиной товарищи безмолвно следили за его движениями.

– А за дверь вынесенную, кто отвечать будет? Выходи, кто смелый.

Из комнаты слышится легкий шорох, совещательный шепот. Одновременно, но уже сверху, за спиной громкими шагами прибывает легкая артиллерия армии Джуры.

– Что тут происхо... – не сдерживая голоса, восклицает Славица, а Талэйта не успевает рукой закрыть ей рот. От этого возгласа ток пробегает по спинам всех, и напряжение прорывается наружу.

– Э-э... да у тебя тут одни девчонки, герой сказок. А ну выводи своих курочек на улицу, пока яйца целы. – Из-под лестницы, куда смотрел Джура минуту назад, доносится голос. Ровный, спокойный, если и насмешливый, то совсем немного. Вслед за ним показывается и фигура. Силуэт, как давеча, из постановки театра Джуры в черном, и тоже с оружием. Какое-то продолговатое продолжение руки. Даже в полутемном коридоре это было отчетливо видно.

Для придания весомости своим словам, фигура аккуратно роняет конец своей конечности на твердь пола, и раздается гулкий звон соприкосновения металла и камня.

Как по сигналу, из комнат показываются тени фигур поменьше, и в коридоре становится темнее. Теперь свет улиц почти не достает до Джуры, а его, едва дышащая, свита, притаившаяся за спиной поодаль, скрыта во мраке полностью.

Он задумывается, видно ли было их всех снизу, из-под лестницы.

– Ох, сколько вас. И не тесно вам было там? – беззаботно продолжает Джура.

– А ну спускайся сюда, падаль, не то придам ходу! – Фигура сбоку грозно шипит, и с размаху снова опускает палицу точно на перила. Раздается оглушительный звон, закладывающий уши. На сей раз Славица успевает зажать себе рот руками и не выдать себя.

– Тише, уважаемый. Ты что шумишь тут? Ты как сюда попал? Кто такой сам? – Джура старается говорить отчетливо и спокойно. Он задает вопросы, стараясь посчитать головы стоящих впереди опричников.

– Я тот, кто выпрет тебя отсюда навсегда. Ты в курсе, что это не место для ваших игр? Здесь рабочий народ трудится, так что лодыри, вроде тебя должны сваливать отсюда.

– А основания у тебя на это есть?

«Кажется их шесть, и этот седьмой».

– Хватит того, что ты сам тут незаконно. Фабрика ткацкая, и принадлежит рабочим, то есть нам. А вас – бездельников и на улице полно. Говорю же, выметайтесь отсюда!

– А тебе своей Палилулы²² мало? Зачем сюда пришел? Или ты, портниха?

Джура принимается раскачивать лодку. Впереди послы-

²² Район (община) в Белграде. Традиционно считается промышленным округом

шалось волнение, и даже в темноте ощущается, как незримая фигура покрывается краской.

– Я родился и вырос в Белграде, Белград весь мой, и Скадарлия, и Палилула! – голос фигуры начинает играть вибрировать, тень продолжает оправдываться – а вы, бродяги и шарлатаны, от вас проку нет. Выметайся, пока мы вас не упаковали сами! – он снова взмахивает своей длинной лопой.

Джура ухватывает момент на угрозе. Дальше нужно действовать по плану, надеясь, что ребята также поймут его замысел.

– Хорошо, не горячись. Я выйду, и девушка со мной выйдет. Нас двое.

– Только двое? Что вы тут место для утех себе придумали? Остальные где? Днем я видел других.

«Интересно, есть ли кто снаружи. И остался ли кто в кладовой?».

– Врет он, Горан, точно врёт – слышится впереди. – Я своими глазами видел, как они целой сворой заходили.

Голос был гиенский. Однако, он сообщил имя главного, что уже неплохо. Нужно нажимать на это, нельзя пропускать возможность.

– Здесь нас только двое, Горан. Наверху девчата, костюмы складывают. Парни разбирают реквизит в центральном цехе. Дай мне всех позвать, и мы уйдем.

– Нет! Выходите сейчас же. Вы, двое!

– А наши друзья?

– Сами их выпрем. Живей!

– Тогда помогите нам забрать его. – И Джура указывает на пальцем на темное место в глубине коридора.

Сзади, если прислушаться, можно было уловить легкий смешок.

– Что там?

– Голова быка. Это же тоже наш реквизит. Мы его полгода собирали. Ладно остальные, – Джура в темноте играет свою лучшую роль, и наверняка, где-то в глубине души сожалеет, что его лица никто не видит, – но без нее мы не уйдем.

Он делает шаг вперед, наклоняется, его силуэт почти не виден, потом распрямляется и говорит:

– Мы это вносили впятером, а теперь я должен один с девчонкой это вынести! – картинно возмущается Джура, обращаясь к замолчавшей в углу тени. – Кристиана, иди-ка сюда! Из темноты в этот же момент отпочковывается одна тень. Она спускается и становится рядом Джурой.

– Что замолкла? – куражась, командует тот, и в темноте кладет теплую ладонь на руку силуэта в тени, – Напугалась? Я и сам чуть в штаны не наложил! Забираем это и уносим ноги отсюда!

Теперь две тени наклонились, раздался тяжелый выдох, потом одна разогнулась:

– Может, поможете уж тогда? Или хотя бы дорогу дадите? Свет обесточили, над душой стоят! Тут девица тяжести та-

щит, а они стоят глазами хлопают. Тоже мне рабочий класс! Ну-ка, ты, Горан, кто ты у вас там – главный по швеям или как? Скажи, пусть подсобят.

Джура говорит, и считает свои слова. Если ему дают так много говорить, только говорить, то значит, они не очень решительно настроены. Значит, они тоже смущены. Или не знают что делать дальше, так как заложники не напуганы, и послушны. Но почему-то впрягают в свои дела, хотя вроде и не перечат открыто. Нужно скорее перехватывать инициативу, пока пришельцы раздумывают. Раз идет проявление силы, подыграем, но без страха. Мы выполним ваше требование, но мы вас не боимся. Даже наоборот. Мы сами вам прикажем еще.

– Ладно, подсобим. Двое остаетесь с ними, остальные за мной, – наконец доносится в углу, из-под лестницы.

– Вот за ручки там хватайте, тут рулевой рычаг. И поволокли, – всю трещит языком Джура.

Через неподъемного быка стали просачиваться другие тела. Кряхтеть, отпрыгивать, извергая бранные выкрики.

– Стойте! – восклицает вдруг Джура и устало выдыхает!

– Что еще там?

– Бык весь коридор занимает. Нам сначала его вытолкать на улицу нужно, а потом уж прыгать через него удобней будет.

– Я глазом на что-то наделся, Горан, – слышится соглашающийся голос.

– А я боком на какой-то штырь, – вторит ему кто-то

– Это рулевой рычаг, – тихо поправляет Джура. – А теперь слушай мою команду, – зычно гаркнул он следом, и присутствующие прислушались, – Давайте парни все вместе за него возьмемся, и-и насчет три, начинаем! Приготовились?

– Да черт бы тебя брал с твоим быком! – доносится из-за спины, по-видимому, этот тот самый Горан, но Джура этого уже не слышит – он имитирует всеобщее синхронное поднятие бычьей головы, и в этот момент наклоняет голову и приседает.

– Я сейчас включу фонарик, на счет «три», и начинаем, – шепчет Вукашин в другом краю коридора, в секунду когда Джура начинает отсчет. Йожин с Яковом согласно кивают, а Вукашин, Талэйта, Славица и Тияна готовясь, закрывают глаза.

– Раз, два, три! – громко считает Джура и сильно, до боли зажмуривается.

Свет ударяет по глазам всех, находившихся внутри, кроме тех кто успел предварительно закрыть глаза.

Яркий луч пронзает небольшую площадь коридора, и через секунду пропадает, но ее оказывается для всех достаточно.

Вукашин успевает увидеть фигуру с палицей – лом ли, гвоздодер – неясно, решительно выходящую из-под пространства лестницы идвигающуюся по направлению к Джуре.

Сам Джура вместе с Кристьяном, тщательно прячущим лицо, оказываются восседающими в импровизированном троне, образовавшемся от сдувшейся головы быка, пока какие-то другие люди по периметру безуспешно держат кто колеса, кто рулевые рычаги колесницы не в силах поднять их вес.

Их изумленные лица тоже озаряет свет, и тут же поглощает тьма.

А дальше в этой тьме Вукашин с криком обрушивается на человека с палицей, снося того с ног. Звук гулкового металла, опрокинувшегося на каменный пол, утопает в криках и возне, рождающейся где-то наверху, где Йожин с Яковом налетают на колесницу, оттесняя ее еще дальше в глубину, к двери черного входа. Не до конца пришедший в себя Джура, стягивает с головы быка Кристьяна, и между толпой ослепленных палилупьцев и полузрячих актеров, образуется заслон в виде быка.

– Поднимаем его!

Четверо, взявшись кто за что, запрокидывают бычью голову, вдавливая палилупьцев в стены, а тех, кто не у стены, выдавливая в открытую дверь.

Снова загорается свет, на этот раз не короткий, а постоянный.

На полу лежит Горан, на нем сверху восседает Вукашин. Над ними, еще выше, стоят спиной друг к другу Тияна, Славица и Талэйта – все вооруженные: лопатой, метлой и пру-

жинным фонариком. Кристьян, морщась, подобрал выпавший из рук Горана лом.

Йожин с Яковом выталкивают оставшихся палилульцев, растерянных и не сопротивлявшихся на улице. Их лица недоуменно смотрят на сцену у лестницы, пока их обзор не скрывает закрывающаяся дверь. В нее тут же обрушивается град тарабаниющих кулаков.

– Слезь с меня, гад! – процеживает лежащий на полу, оставшись один среди скадарлийцев.

К нему подходит Джура и внимательно его рассматривает, взяв в руки фонарик.

– Так значит ты – Горан? А я Джура. Приятно познакомиться

Тот молчит, краснея и брыкаясь под Вукашиным.

– А зачем ты нас хотел выгнать? Да так грубо. Силой. Мы же актеры, а не воины. Мы только играем воинов. Посмотри, – Джура не оборачиваясь, указал на остальных – они все младше тебя, а ты с ломом, ворвался к нам, выломал двери. Но мы же никому не делаем зла, что здесь обитаем. Эта фабрика пустует. Мы здесь собираемся и готовим спектакли. А ты хотел нас этой трубой выгнать? Даже их? – Джура не переводя взгляда, указывает на девушек.

– Слезь с меня!

– А брыкаться не будешь? – спрашивает Вукашин.

– Не будет, Вук,пусти его. Мы же не они, – серьезно смотря на лежащего говорит Джура.

Отряхиваясь, Горан встает. Все следят за ним.

Стоящие у дверей Йожин и Яков тоже прислушиваются к разговору.

– Ладно, актеришки, сегодня вам, считайте, повезло. Провели вокруг пальца. Хотели вас по-хорошему прогнать, не получилось. В следующий раз с центрального входа, с главной улицы будем атаковать. Выпускайте меня.

И двинулся к двери.

– Мы тебя так просто не отпустим, – кровожадно ухмыляется Кристян и в свой черед взмахивает трубой.

– Нет, выпустите! – настаивает Горан, и оборачивается на молчавшего Джуру. – Вы же не мы. Кишка тонка. Для вас это – он обвел рукой помещение, – всего лишь игра, веселье, потеха для детишек на праздниках. А для меня, моих детей, для семей вот этих парней – это все работа и жизнь. Здесь наш хлеб.

За дверью слышится шум, состоящий из знакомых и не очень голосов. Йожин прислушивается и улыбается.

– Газета «Вечерняя Скадарлия», скажите, что за несанкционированное собрание вы проводите у черного входа, в такое время, каков ваш посыл, кому он адресован, и кто у вас ответственный? – слышится голос Луки. – Вы главный у нас, уважаемый?

Он обращается к одному из стоявших палилутьцев, держащегося за ушибленный подбородок.

– Я? – испуганно отвечает он.

– Не вы, а кто тогда? – быстро спрашивает Лука? – Кто ваш предводитель? Дайте пару слов для газеты «Вечерняя Скадарлия». Милош, ты снимаешь?

Милош стоит рядом с фотоаппаратом, быстро щелкая затвором, и ослепляя и без того красные глаза стоящих рядом палиллульцев.

Наконец бычья морда отодвигается, дверь из коридора открывается, и из нее высыпаются люди.

Кто-то восклицает «Горан», кто-то с осторожностью разглядывает хищное чудище и не выпускающих из рук оружие актеров, наконец, выходит Джура и подходит к Луке.

– Мы, театральное сообщество, проводим закрытое собрание по уборке придворовой территории силой нашей труппы, и для привлечения дополнительной помощи приглашали присоединиться представителей производства – ударного, рабочего класса соседнего района Белграда. На данный момент все работы окончены, работники расходятся по домам. Спасибо за внимание.

– Большое спасибо за пояснение, – машинально отвечает Лука, разглядывая уходящие силуэты палиллульцев. – Скажите, как называется ваше сообщество, для читателей, желающих следить за вашими успехами.

– Дети Скадарлии, – спустя секунду отвечает Джура.

– Э-э, ну что же... Спасибо вам, успехов, как говорится.

Лука вытирает пот, когда силуэты скрылись за углом. Милош, выдыхая, опускает фотоаппарат.

**** * * * * *

Наверху в цехе было суетливо. Складывались костюмы, собирался реквизит, прибиралась посуда и остатки пира.

– А я считаю, мы – герои! – восторженно сказала Славица, отставляя веник. – Такое пережить – врагу не пожелаешь. Но мы отстояли нашу фабрику. Я так рада... Я к ней уже привыкла.

Кристиян на это лишь выразительно фыркнул.

– Чего фырчишь? Постоянно тебе не нравится, что я говорю! Что смеешься?

– Да смеюсь с тебя, что мы – герои. Ты видала же их – они мелкое жулье. Наверное, на металлолом хотели растаскать все, да мы не дали. Зато вот – он показывает свой трофей – на память останется!

– Нам нужно думать, чем дверной засов укреплять. Если эти жулики, как говорит Кристиян, его простой монтировкой свернуть смогли, – складывая свой комбинезон говорит Яков. – Я пока его забаррикадировал тем, что под рукой было, но лучше предусмотреть другой механизм.

– А я предлагаю охранную систему внедрить! Вроде сигнализации. – Славица даже хлопает себя по лбу – мы тогда будем знать, что с фабрикой даже когда нас нет рядом. И во-круг тоже услышат люди! Точно!

– Зачем нам другие люди, если мы сами герои? – улыба-

ется Йожин.

– Не говори, еще предложи ловушки расставить.

– Точно, выроем яму с аллигаторами у входа и замаскируем.

– Зачем аллигаторы, когда у нас Кристиян с трофеем есть.

Пусть там сидит.

Тияна молча подсаживается к Луке.

– Где вы все время были?

– Мы?

– Ты же нам сам сказал «бежим»?

– Ну да.

– И куда вы с Милошем убежали?

– Мы? На улицу... А вы?

Тияна не отвечает, пристально заглядывая в глаза Луке.

Негромко приближается сам Милош.

– Мы думали, «бежим» – значит «бежим их окружать».

Ты же видела, какая идея с журналистом нам пришла в голову?

– Да, кстати, они сразу ушли, увидев газетчиков, – соглашается Лука. – Это более эффективный, и менее кровожадный путь решения проблемы.

– И к тому же творческий, – добавляет Милош.

– А еще очень дружеский и мужской, – отрезает Тияна, и возвращается на свое место.

Джура первым затягивает свой мешок.

– Друзья, мы сегодня провели насыщенный день. Начи-

нался он волнительно, закончился тоже. Я благодарю всех за вклад каждого в наш успех. Без командной работы и чувство локтя ближнего у нас бы ничего не получилось. И не получится никогда. Важен каждый игрок нашей команды. Мы защитили сегодня нечто важное, куда большее, чем четыре стены, стянутые сверху крышей. Мы отстаивали свое право на любимое дело. Сейчас все отдыхают, встречаемся, там же, как обычно. Всем пока!

И направляется к выходу, больше ничего не сказав.

– Так, а когда, Джура? – доносится сзади.

– А?

– Ты не сказал когда встречаемся.

– Не сказал, да?

Глава 3

*Et quand quelques bistrots
Contre un bon repas chaud
Nous prenaient une toile
Nous récitations des vers
Groupés autour du poële
En oubliant l'hiver²³*

Рождество, 1941, Белград

А в наших краях, снег теперь не редкость. Скорей уж на-оборот...

Бывает, выйдешь на улицу – а утро-то еще совсем заспанное! И снег так громко по пустой улице похрустывает под ногами, а из-под высокого воротника клубится выдыхаемый тобой пар. Выпускаешь его!...

Пройдешь один двор, другой – на тебя только уныло посмотрит черная собака, с косматой мордой, и, убедившись, что у тебя нет ничего съестного, равнодушно отвернется от тебя. Ты усмехнешься про себя, не сбавляя ход, и пойдешь дальше, сквозь арку на улицу. Через несколько часов, дети повылезают из всех щелей, таща за собой санки, заполнят весь двор, и начнут раскатывать снежное одеяло, как твоя

²³ И когда в каких-то бистро, у нас брали картины, за горячий обед, мы читали стихи, собравшись у камина, и забывали о зиме

бабушка тесто... Но пока оно, еще нетронутое, натянутым полотном греет черную землю от январских стуж. На том полотне времена года рисуют портрет твой жизни.

Оказавшись в городе, ты отправишься – куда? Естественно, в центр, на площадь Свободы. Там, как обычно, в одна тысяча первый раз ты поднимешь свой взгляд на красный панцирь кафедрального собора Светог Ивана Непомука, удержишь дыхание, ну-у-у, хотя бы из уважения, по меньшей мере. Хоть на секунду, но посмотри на этот собор, прежде чем снова продолжишь свой путь. Старыми ботинками по площади – тук-тук-тук, дальше, прочь, мимо центра. Площадная брусчатка скоро закончится, и через несколько минут ты окажешься у зимней Беги. Здесь можно остановиться закурить, ты непременно закуришь, хотя обещал бросить, еще на позапрошлую Пасху. Да и как не посмотреть на холодный поток черной воды? Она, еще не скованная льдом, пробивает себе жизнь движением ледяного потока. Ты замедлишь ход, ей-богу, замедлишь. Копнешь носком сапога рыхлый снег у самой воды канала, и запустишь руку в карман. Обжигающий сигаретный дым сейчас то, что тебе нужно, твои мысли вот-вот разлетятся над пустынной площадью, если только не...

Но, вот же чудо! Твои замерзшие пальцы нащупают в глубоком кармане темного пальто нечто совершенно другое, непохожее на старый армейский портсигар. Что-то иное, что-то такое, что привлекает твое внимание, заставляет задуматься.

маться о чем-то, вспомнить давно забытое, оживить то, что, казалось, кануло в лету. Твоя сосредоточенность столкнется с тысячью препятствий на своем пути, прежде чем ты сведешь все воедино. Одним из них станет: табличка, встречающего всякого возле Мали Моста, и надпись, от которой на глазах выступит влага.

Ты, держа руку в кармане, обдуваемый зимним ветром, вспомнишь, как уже много десятков лет любишь этот мост, молчаливый друг твоих тихих раздумий и соратник твоего уединения. Мост, небольшой и аккуратный дуговой каркас, соединяющий два берега в местечке, где ты родился и вырос, несколько столетий скрепляет уплывающие друг друга стороны для того, чтобы ты успел перебраться с одного берега Беги на другой. Однако ты не станешь спешить, ведь так? Сначала нужно узнать, что же у тебя там в руке.

Ты вытащишь руку из кармана пальто на свет сумрачного утра. Снег, так же как и сейчас, упадет тебе на раскрытую ладонь, и ты увидишь как снежинки, вальсируя, опускаются на желтую поверхность металла. Итак, твоя находка эта металлический коробок, округлой формы. Еще не понимая до конца, что за находка у тебя в руке, ты почувствуешь, как сердца начнет биться чаще, но пока еще не придашь этому значения. Что же дальше? Прислонишь ее к уху, приблизишь к лицу, рассмотришь получше? Попробуешь расслышать запах старины и возбудить в памяти связанные воспоминания, которые закрыты, словно точно такой же крышкой?

Давай, ну же! Смелей. Рассмотрю их поближе.

Под этой металлической оболочкой, мерно тикает чья-то жизнь! Все это время, представь, сколько ты пропустил! Ты почувствуешь запах золота, ударивший в нос настолько, что, кажется, передается даже вкусовым рецепторам, и во рту, словно по-настоящему, ощущается вкус этого благородного металла. Это карманные часы, и они живут своей многолетней жизнью. Открой же их! Давай.

Ну, разумеется, ты их откроешь...

В момент, когда ты резче повернешь ладонью от себя, и верхняя крышка легко откинется наверх, на стареньком тоненьком штифте, зимний ветер, словно нарочно, припорошит тебя сверху новой порцией снежной кашицы. Ты встряхнешься, выхлопнув снег из большой шапки, и смахнешь его с воротника своего холодного пальто.

Однако, точно – часы будут идти! Даже сквозь расстояния будет слышен их мерный стук – еще один «тук-тук-тук». Ты услышишь его.

«Тук-тук-тук».

А затем увидишь Ее.

Выцветшая, затертая, миниатюрная фотография, пускай и с надорванными, кое-где разворсившимися краями фотобумаги, но аккуратно вырезанная кружочком когда-то много лет назад, и вставленная в верхнюю крышку этих часов. С тех пор эти часы будут храниться у тебя. Каждый раз когда ты их будешь открывать с этой фотографии тебе все так же

будет улыбаться все та же молодая девушка, во все том же черном платье с большими красными маками.

Теперь и твое сердце вторит в такт часам – «тук-тук-тук».

Сейчас ее черты едва различимы твоим усталым глазам, и, скорее в памяти, чем наяву ты вспомнишь ее большие черные глаза, розовые губы, изогнутые в изящной линии улыбки, и раскидистые волны густых иссиня-черных волос по тонким контурам плеч.

В одна тысяча первый раз, ты поднесешь часы с фотографией поближе, стараясь уловить давно выдохнувшийся аромат девичьих духов и ее волос. Вместо этого ты близко-близко увидишь ее красивое лицо, улыбающееся тебе так же, как и прежде; и ты снова, в тысяча первый раз, осторожно коснешься пальцем снимка там, где у девушки запечатлены волосы. Проведешь, едва касаясь бумаги, миллиметр за миллиметром... А потом, еще более осторожно поднимешь часы поближе к лицу, поднося фотографию к своим губам. Едва коснешься губами бумаги, ровно в том месте, где та девушка будет улыбаться тебе своей когда-то розовой улыбкой.

**** * * * * *

Вокруг жарко, шумно и суетливо. Снуют девушки в передниках, разносящие горячие и горячительные напитки, танцуют люди, не в такт живому аккордеонисту. Низкие потолки со свисающими люстрами, раскачивающимися от задева-

ний шляпами, и крепкие дубовые стулья, о которые спотыкаешься от непрямого шага. В углу столы сдвинуты, и в целое окно выглядывает большая группа молодых людей, которые о чем-то увлеченно беседуют вот уже третий час. Девушки сидят на скамьях по-турецки, поджав ноги, а юноши заливисто хохочут, громко ударяя стаканами.

– Нет, Лука, это белиберда какая-то мыльная, – слышится мужской голос

– Нормальная белиберда, зато напечатанная! – возражает ему женский, – вот когда тебя будут печатать, дашь нам почитать свою мыльную.

– Ха-ха, да такое мне никогда не исполнить, это у нас только Лука мастак воду на воздух мазать. Зачем такое накопление географических привязок? Это что за город, Зрениянин?

– Нет, не это главное! Скажи, Лука, а кому здесь что сыграть? Часы или памятник?

– Или снег в нашей округе? Представляешь, я такой выхожу, с табличкой «я снег в нашей округе. И я теперь не редкость».

– Лука все равно скажет, что фальшиво сыграл.

– Спасибо, братцы, за поддержку. Я всегда знал, что могу на вас рассчитывать. Кстати, я напомним вам о ваших словах при распределении ролей в следующей пьесе.

– Так если пьеса из-под твоего пера Лука, то пререканий, поверь, не будет.

– Ну, разумеется, если ты снег! Какие тут пререкания?

Максимум, можешь выпасть наискосок, ха-ха-ха.

Лука выделяется из толпы хохочущих. Во-первых, он выше остальных, во-вторых у него единственного борода, скрывающая хотя бы наполовину бледность его лица. Он складывает газетный лист, и прячет его в пол своего клетчатого пиджака.

– Давайте за успех Луки выпьем, ребят, без шуток – предлагает Талэйта. – Мы все очень гордимся тобой, наш мастер! Ждем твоих новых работ многомиллионным тиражом.

– Фи, как приторно! – кривится Йожин. – Лучше деньгами, Лука, бери деньгами!

Но тянется к нему с бокалом.

Все ударяются, выпивают.

– А ведь снег и вправду стал не редкость. Смотрите, как валит, – задумчиво говорит Тияна.

– А давайте все вместе Савиндан²⁴ отметим у меня, – предлагает Милош. – За городом у отца дом пустует, в нем выходные проведем. Поиграем, выпьем, покатаемся на лыжах.

– А что, неплохая идея! – подхватывает Кристян. – Я сто лет не катался. Вы как, ребят?

Все соглашаются. Джура улыбочиво кивает и говорит:

– Ребята, уже поздно. Засиделись мы. Не знаю как вы, а я домой. Да и вам не советую допоздна засиживаться.

²⁴ День святого Саввы – праздник православных сербов, связанный со многими символическими обычаями

– Да, точно, мне тоже пора.

– Парни провожают девушек, не забывайте – бросает Джура напоследок и уходит.

– Встречаемся у Милоша тогда, правильно?

– Всем пока! Лука не расстраивайся, это только начало.

Мы еще не раз вот так посидим за твой успех.

Стулья скрипят по полу, народ попарно расходится, укутываемый в дубленые шубы, прощаясь с другими. На улице толпа окончательно рассоединяется, подхватываемая ветром и уносимая в водовороте снежинок. Тияну провожает молчаливый Лука. Они беседуют мерно, дозированно и в основном об искусстве. В этом силен Лука, эта тема интересна Тияне, а других точек соприкосновений, Лука как ни старается, найти не в силах. Славица уходит, сопровождаемая целым выводком парней, пляшущим вокруг нее – не смешно только Милошу, который никак не дождетя, когда Кристиан, Йожин и Яков разойдутся по своим домам, оставив их наедине. Последними на крыльцо выходят Талэйта с Вукашиным.

– Домой? – спрашивает он.

– Может, погуляем еще?

– А ты не замерзнешь?

– А сам не проголодаешься? В Савиндан опасно с голодными волками гулять²⁵.

²⁵ Считалось, что в канун дня святого Саввы следует остерегаться встреч с волками и избегать острых предметов. Вукашин в переводе с сербского означа-

И они убегают вниз по улице, скользя по гололеду, а при торможении хватаются за стволы деревьев и фонарные столбы. Потом, добежав до парка, обессиленные, падают прямо на землю и лежат, всматриваясь, как снежинки опускаются сверху на их лица и ресницы. Потом, вдоволь набросавшись в друг друга снежками, как два снеговика они бредут по освещенным улицам Белграда домой.

– Здорово, что ты поддержала Луку, – признается Вукашин. – Ему очень важно было услышать слова похвалы. Ты же знаешь, как он переживает по этому поводу.

– Я действительно за него рада – он такой молодец! – отвечает Талэйта, не поднимая головы.

– Тебе, правда, понравилось?

– Ну да, а что?

– Нет, так... просто интересуюсь, – в голосе Вукашина слышится металл. – На мой взгляд, размыто все-таки. Пожалуйста, соглашусь с Кристяном.

– Лука – демиург, ваятель, а Кристян исполнитель, причем не очень утонченный, как мы все знаем. Его мнение можно учитывать, но не как единственно существующее.

– погоди, ты действительно считаешь, что Лука у нас творец? Тебе нравятся его пьесы?

– Не все, разумеется. Но он творец. Он занимается тем, что ему нравится, что приносит ему удовольствие. Он творит. Он в творчестве. Он и сейчас, пока идет с Тияной,

небось, об этом же и судачит – об искусстве и других мирах, которые он создает. Конечно, он творец.

Талэйта задумывается о чем-то своем, и выпускает из виду молчание Вукашина. Оно напряженное, невыраженное, явственное нависает над ними.

– Я вот так не смогла бы, – добавляет Талэйта. – Я люблю воспроизводить красоту мира в красках, на холсте. Но я воспроизвожу мир. Я не могу нарисовать то, чего нет в природе, сделать это красиво, придумать. Я могу постараться лишь как можно ближе повторить красоту. И от этого я иногда хочу забросить кисточки. А тебе и Луке я завидую даже.

– Мне? – изумляется Вукашин.

– Ты ведь тоже писатель.

Вукашин снова надувается, не успев оттаять от предыдущей обиды.

«Тоже»!

Вукашин задумывается. По большому счету, за все месяцы, проведенные в коллективе, он так и не стал ближе к дописанию своей поэмы, но почти об этом не распространяется. Талэйта помнит об этом с самого начала, с того момента, когда все и началось. Вукашин внутренне улыбается.

«Нужно как-нибудь сесть дописать».

– Ты что сердишься на что-то, Вук? – спрашивает Талэйта?

– С чего ты взяла?

– На лице видно же. Голодный, что ли?

– А ты замерзла – вон щеки все красные. Тоже все видать.

Под ее домом в общине Земун – большим, двухэтажным, вы привычно стоите подолгу.

– Зайдем? – зовет Талэйта.

– Нет, поздно уже.

– Тем более, все спят. Поешь.

– Нет, пойду я.

– Осторожно иди.

– Ага.

Неловкое молчание, пауза.

– Что-то руки озябли, дай обниму тебя, что ли – говорит Вукашин и приближается к Талэйте. Та улыбается, но не отвечает на его объятия, и отступает на шаг.

– Ты чего это?

– Страшно мне в канун Савиндана с волком обниматься.

– А-а-а... – Вукашин окончательно краснеет. – Ну, тогда я зарядку сделаю.

И принялся с распростертыми руками приседать и наклонны делать. Талэйта с интересом наблюдает, а потом и сама пускается в легкий пляс.

– Мы как сумасшедшие, да? – спрашивает она, через время.

– А кто нас видит? Только звезды? – отвечает запыхавшийся Вукашин. Он заканчивает упражнения, Талэйта тоже останавливается.

– Ладно, что я – волк, разобрали. А твое имя что значит?

– Талэйта с цыганского – означает «маленькая девочка».

– Ты серьезно?

– Нет. Просто хочется, чтобы ты так думал.

– Ладно. Пусть «маленькая девочка». Тогда до встречи в доме отца Милоша. Доброй тебе ночи!

– И тебе, серый волк.

**** * * * * *

Дом отца Милоша огромен – это поистине особняк. Расположенный в Бела Црква²⁶, он стоит в гуще леса, так напоминающий Вукашину его родную Шумадию.

Приехав накануне, в пятницу, все гости Милоша устраиваются в большой гостевой комнате. В ней, расставив по углам ненужную мебель, большая компания, устлая всеми собранными с комнат коврами пол, усаживается прямо у большого камина.

– Продолжение сочельника, – объявляет Яков, а в его глазах пляшут огоньки пламени.

– Давайте погадаем, – предлагает Славица.

– На что? Жениха тебе искать снова? – шутит Йожин. Все смеются, кроме Милоша. Он по-хозяйски предлагает всем друзьям редкие экземпляры алкогольных запасов своего отца.

– Говорят, в Савиндан знамения случаются, так что да-

²⁶ Город в Сербии, на границе с Румынией, окруженный горами.

вайте знак у Вселенной спросим какой-нибудь? – продолжает Славица. – Только это должно быть что-то, что нас всех объединяет, не то знак будет непоказательный.

– Нас всех многое объединяет, – отвечает Кристиан, – одним делом занимаемся.

– Давайте погадаем, что нас ждет театральное в этом году?

– Это гадать не нужно – достаточно прижать Луку к стене.

Компания смеется, а Лука парирует:

– Меня-то что, тискать? Я четыре пьесы подготовил, но репертуар-то у нас, Джура выбирает согласно зрительской конъюнктуре.

– Чего? – отвечает Йожин. – Девушки закройте уши, а ты, Милош, Луке больше не наливай. Он ругается.

Насмеявшись, Джура продолжает.

– Вы-то сами, что думаете играть? Что вам нравится самим?

– Сценический спектакль. Лучше всего драму! – первой выпаливает Тияна, и ее щеки заходятся румянцем.

– А мне наоборот, уличное что-нибудь, с постановкой сражений, темповое, историческое, наподобие наших героев – возражает Кристиан.

– Я тоже за сцену, вообще-то. Зря мы ее, что ли у пали-лульцев отвоевывали, – замечает Яков. – Хотя и от улицы не откажусь, но не раньше конца весны и не позже сентября.

– Ага, а еще на этот раз без ходулей.

– Да, а еще лучше в зрительском ряду!

Все снова смеются, разглядывая камин. Наступает тишина, в которой каждый думает о своем.

– А я бы за границей хотела... – произносит негромко, но четко Славица.

– Недурно!

Все невольно оборачиваются на Славицу.

– Что-то мы за тобой таких амбиций не замечали, – замечает Джура. – Что это тебя на иностранного зрителя потянуло?

– А что? – отпивая, объясняет Славица. – Ролей на сцене у меня немного, и почти все они второстепенные, а иногда и вовсе без реплик. Чем же я рискую? А уличные постановки – они у нас полностью немые! Какая разница, на площади какого города какой столицы какой страны нам с вами выступать? Мы коленки сшибаем о Скадарлийскую брусчатку, за наши югославские динары мерзнем на холодной земле, а можем ведь и на Марсовом поле, или там Трафальгар Сквере? Разве нет? Или у британцев не такое восприятие прекрасного, как у наших белградцев? Что скажешь, Джура?

Славица снова отпивает, под всеобщее молчание. Джура внимательно смотрит на ее покрасневшее лицо, выдыхает и последний отводит взгляд. Все остальные чувствуют себя немного лишними.

– Кто еще думает так же, как Славица?

– Насчет ролей?

– И их тоже.

– Роли действительно не всегда с репликами, – робко начинает Милош, стараясь разбавить всеобщее молчание. Он говорит, прерываясь, и посекундно смотрит то на Славицу, то на ребят, то на бокал с ракией, – я к тому, что... в этом плане... тем, кто не владеет, так сказать, ... языками. Было бы проще. Но мне все равно. Я могу и здесь выступать... – заканчивает он. – Кто-нибудь хочет еще ракии?

– Ты можешь и здесь выступать? – переспрашивает Джура? – А где еще ты мог бы выступать?

– Нет, ты не правильно его понял, Джура, – приходит на помощь Талэйта, – Милош имел в виду, что ему нравится наш белградский зритель. Так ведь?

– Именно это я и имел в виду. Подлить тебе? Я сейчас! – Милош поспешно ретировался на кухню за новой порцией алкогольных напитков.

– Ребята, вы должны понимать, что театр – это сложный механизм, в котором все винтики важны, и большие шестеренки приводятся в действие маленькими. И самый незначительный эпизод может быть ярче и запоминающейся, чем главная роль, если его правильно сыграть. Неужели вы этого не поняли до сих пор?

– С этим вопросов нет – отвечает Славица, раскрасневшись.

– А с чем есть? – снова обращивается к ней Джура.

– Что делать с амбициями?

– Какими? Актерскими?

– Нет, повидать другие места, и себя другим показать.

– А разве не интересно сначала здесь чего-то добиться?

Создать свое что-то.

– А мы разве уже не добились? Не создали?

Славица не отступает. Джуре становится тяжело выдерживать перепалку, под немым недоумением остальных. Милош, подоспев обратно, оценивает расклад сил, но памятуя о своем недавнем вмешательстве, решает пока повременить с подмогой.

– Что еще мы можем дать Белграду? Что сыграть? Как выступить? Мы хотели сцену – мы ее получили! Это наша сцена, и теперь к нам ходит наш зритель. У нас есть наша улица, нас узнают. Но за пределами этих домов, и этих стен, мы с вами ничего не знаем. И не узнаем. Это стагнация, мы не развиваемся. И не станем лучше никогда, пока не выпрыгнем из гнезда. Мы должны летать, а не сидеть в клетке, если уж мы такие артисты.

– Подожди, Славица, ты сейчас клеткой Скадарлию называешь? Мы же ее «дети», «Дети Скадарлии», мы так называемся, помнишь?

– Помню. Я – то помню! А вот кто еще кроме нас об этом знает? Не рассказать ли об этом миру?

– Что мы «дети Скадарлии»?

– Да! Конечно!

– А зачем? Мы любим ее, Скадарлию, или любим об этом кричать на весь мир?

– Я тебя не понимаю, Джура! Даже дети рано или поздно должны уходить из дома, и жить в большом мире. Это не говорит о том, что они разлюбили родителей и свою детскую комнату.

Славица отворачивается на этих словах. Милош незаметно подходит и забирает у нее стакан. Вукашин мрачно хмурит брови.

– Пойдемте на улицу? А то уже винные пары в воздухе висят, – предлагает кто-то.

Все выходят. В доме остается Милош, суетливо прибирающий стаканы, и Джура, одиноко сидящий все так же у камина. Он смотрит в окно, через стекло на Славицу, и задается вопросом, как он это все не замечал в ней раньше. Затем Джура приглядывается и замечает, что, несмотря на то, что Милош в доме, Славица не одна. Сначала к ней близко подходит Яков, скрестив руки на груди. Затем он полуповорачивается, закрывая их от остальных. Через время к ним присоединяется Кристьян, и кладет руку на плечо Славице. Та кивает.

Джура улыбается и переводит взгляд. Тияна, Вукашин, и Лука стоят разрозненно, словно незнакомы друг с другом. Очевидно, они переваривают услышанное. Талэйты не видно нигде. Первым в дом возвращается Йожин.

– На улице дубак, в доме Сахара... Тут предлагают запустить китайский фонарь в небо. Талэйта прихватила с собой. Пойдем?

– Валяйте, – хмуро отвечает Джура.

– А ты?

– Я останусь. Милошу помогу убрать.

– Так потом уберемся все вместе. И его, кстати, сейчас заберем. Милош! Пойдемте все.

И раздетые, в одних свитерах, десять человек запускают на поляне красный огонек, в глубокое синее небо. Джура больше не предлагает загадать одно на всех пожелание. И устремленный вверх фонарь, сопровождаемый десятком разноцветных взглядов, небо внезапно встречает могущественным содроганием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.